

На правах рукописи

Богдашина Ирина Владимировна

**СЕМЕЙНЫЙ И ДОМАШНИЙ БЫТ ГОРОЖАНОК
СТАЛИНГРАДА/ВОЛГОГРАДА:
СОДЕРЖАНИЕ И ДИНАМИКА ПЕРЕМЕН (1950–1960-Е ГГ.)**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2022

Работа выполнена в Центре гендерных исследований ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»

Научный руководитель **Пушкарева Наталья Львовна** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра гендерных исследований ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук», Заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты: **Веретенко Валентина Александровна** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Тюренкова Дарья Олеговна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

Защита состоится 19 апреля 2022 года в 14.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.117.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А, корпус «В», 18 этаж, Малый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: www.iea-ras.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2022 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.и.н.

Лейбова Наталья Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История повседневности – актуальное научное направление, исследование которого требует привлечения особого эмпирического материала, применения специальных методов и приемов анализа. В последние десятилетия внимание к этому направлению в изучении прошлого усилилось, что связано с возрастающим интересом к роли личности в истории. Женский опыт более, чем мужской, сопряжен с переживаниями, а значит, именно женские эго-документы способны передать чувственно-эмоциональный режим эпохи и превратить формальное описание быта в антропологию повседневной жизни с учетом гендерной составляющей.

Исследуемый период 1950–1960-х гг. является знаковым не только в истории страны, но и женской истории, в частности. В это время государство еще продолжало восстановление разрушенного Великой Отечественной войной хозяйства, а женщины были важнейшим трудовым ресурсом, равно как главным устроителем семейного и домашнего быта. Потому выявление особенностей повседневно-бытовой сферы жизни горожанок в одном из нестоличных городов страны, дает возможность воссоздать социальный портрет «простой» советской женщины, проанализировать бюджет ее времени и содержание досуга, выявить отличительные черты повседневных практик.

Выбранный для изучения Сталинград/Волгоград в 1950–1960-е гг. являлся крупнейшим городом Нижнего Поволжья. Регион, разрушенный практически до основания в период Сталинградской битвы, требовал привлечения существенных финансовых и людских ресурсов, потому на его коммунально-бытовое и социально-культурное восстановление съезжались люди со всей страны. Кроме того, период социокультурных трансформаций 1950–1960-х гг. является очень важным именно для женской истории, когда: изменилось отношение к репродуктивным правам, были приняты нормативные акты, защищавшие матерей-одиночек и многодетных; началось массовое жилищное строительство, обеспечившее иной уровень приватности для семейной жизни; впервые стали предприниматься меры для облегчения женского домашнего труда и др. Стоит отметить, что повседневная жизнь горожанок такого крупного нестоличного региона никогда не была предметом специальных исследований. В этой связи семейно-бытовые практики жительниц одного из поволжских городов представляют значительный научно-исследовательский интерес.

Объект исследования – женская часть населения Сталинграда/Волгограда 1950–1960-х гг.

Предмет исследования – динамика перемен в повседневности жительниц нестоличного города 1950–1960-х гг.

Хронологические рамки исследования охватывают 1950–1960-е гг. – время частичного отступления от тоталитарной политики сталинской эпохи, а также важных перемен в социально-политической, экономической и

культурной жизни страны. Кульминационным периодом двух десятилетий является эпоха «хрущевской оттепели», когда были не только намечены, но и реализованы реформы, ставшие импульсом важных перемен. Нижняя граница (1950-е гг.) – десятилетие, отмеченное сменой политического руководства после смерти И.В. Сталина (1953 г.) и началом реформирования общества, в том числе в сфере женской повседневности (изменения в области охраны женского труда и здоровья, регулировании женских репродуктивных прав, а также хозяйственно-бытовой сферы). Верхняя граница (1960-е гг.) – время, когда после очередной смены политического руководства (1964 г.) в течение еще нескольких лет инерционно продолжались преобразования, в том числе и в повседневно-бытовом укладе, имевшем первостепенное значение для женской части населения.

Географические рамки исследования охватывают территорию города Сталинграда/Волгограда, как одного из крупнейших нестолических индустриальных центров страны.

Степень разработанности темы. Обращение к историографии изучения различных аспектов женской советской повседневности требует определения самого понятия. Отметим, что научно-понятийный аппарат предполагает десятки обозначений термина «повседневность»¹. Среди множества из них выделим те, которые учитывают гендерную специфику. Представляется эвристически полезным принять в работе определение данного концепта Н.Л. Пушкаревой, которая под повседневностью понимает присоединение к изучению быта «эмоциональной стороны фактов и явлений, переживание обыденных бытовых обстоятельств», ведь внимание историка повседневности всегда обращено «к жизненным проблемам и их осмыслению участниками событий»². Не менее важным представляется понятие «женская повседневность» в трактовке А.В. Беловой – как «способа проживания и переживания всех разновидностей, форм, сфер и проявлений неинституционализированного женского опыта»³. Указанные определения представляются самыми полезными для нашего исследования, построенного на женских эго-документах, ведь последние всегда наполнены описанием бытовых мелочей и эмоциональными переживаниями.

Исследования *1950-х – первой половины 1960-х гг.* – это квинтэссенция «социалистической модели» решения женского вопроса, которая опиралась на постулат о законодательно закреплённом равноправии женщины и мужчины, что, по мнению современников, гарантировало осуществление этих прав в реальной жизни. Стоит отметить, что данные исследования выступали

¹ Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. № 1. С. 8.

² Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 10.

³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 91.

одновременно историографическими работами и пропагандистскими трудами того времени, в которых акцент делался преимущественно на положительных аспектах проводимой политики, а деталям быта и повседневным женским заботам уделялось незначительное внимание. В редких публикациях, в которых речь заходила об охране женского труда и здоровья в условиях восстанавливающегося после войны хозяйства, чаще всего упоминалась «решенность» женского вопроса в стране. Труды А.П. Ус, Н.Д. Араловец, В.Л. Бильшай подчеркивали государственную и партийную заботу о женщинах, которые были не только работницами, но также женами и матерями⁴. Данные труды предназначались для широкого круга читателей, несли в себе не только ссылки на официальные нормативно-правовые документы, но и являлись своеобразным транслятором идей для всех, интересовавшихся политикой государства и предпринятыми мерами в улучшении женского быта. Когда внимание исследователей 1950-х гг. обращалось к теме женских повседневных (бытовых) практик, то часты были заявления о том, что «быт – дело не частное», а общественные институты «задавали стандарты поведения советского человека»⁵.

В трудах первой половины 1960-х гг. по-прежнему прослеживалось утверждение о том, что женщины окружены заботой и поддержкой государства. Исследователи Е. Коршунова, М. Румянцева, И.Н. Овчинникова, Г.М. Громова и Н.И. Татарина опирались на свой жизненный опыт, описывая женский быт глазами современников. И акцент делался все также на представлении лишь положительных моментов, а недостатки и трудности замалчивались⁶. Некоторый сдвиг можно обнаружить в справочниках по трудовому законодательству. Они дублировали государственные постановления, подтверждали и определяли равноправный статус женщин, однако в них начало уделяться внимание и проблемам на пути разрешения «женского вопроса»⁷. В работе В.С. Беловой – при всех описанных успехах, которых добились советские женщины во многих областях хозяйственной и культурной жизни, рассматривались уже конкретные пути «устранения остатков неравенства в семье и быту». Решение проблемы виделось в дальнейшем «обобществлении домашнего хозяйства», перекладывании части

⁴ Ус А.П. Что дала советская власть женщинам. Минск: Гос. изд-во БССР, Ред. полит. лит, 1950. 56 с.; Араловец Н.Д. Женский труд в промышленности СССР. М.: Профиздат, 1954. 176 с.; Бильшай В.Л. Решение женского вопроса в СССР. М.: Госполитиздат, 1959. 264 с.

⁵ Куприн О. Быт – не частное дело. М.: Госполитиздат, 1959. С. 77–78.

⁶ Коршунова Е., Румянцева М. Права советских женщин. М.: Профиздат, 1960. 93 с.; Овчинникова И.И. Советские женщины – активные строители коммунизма. Л.: Лениздат, 1961. 80 с.; Громова Г.М. Советская женщина – труженица, мать. М.: Профиздат, 1963. 63 с.; Татарина Н.И. Строительство коммунизма и труд женщин. М.: Экономика, 1964. 112 с.

⁷ Абрамова А.А. Охрана трудовых прав женщин в СССР. М.: Госюриздат, 1954. 72 с.; *Она же*. Развитие законодательства об охране труда женщин и подростков в период между 20 и 22 съездами КПСС. М.: [б.и.], 1961. 19 с.; *Она же*. Охрана труда женщин. Справочник по трудовому законодательству. М.: Профиздат, 1967. 96 с.

женских обязанностей на государство, но не разделении их с домохозяйцами, в особенности с мужчинами⁸.

В годы экономической и политической стагнации (*вторая половина 1960-х – 1970-е гг.*) публикации советских ученых сохраняли тот же общий позитивный тон; исследователи продолжали утверждать, что «женский вопрос» в СССР решен, а тема женского быта как специальная и особая не ставилась. Однако постепенно в трудах первых советских социологов стали появляться сообщения о круге домашних, внепроизводственных женских обязанностях; впервые ученые заговорили о том, что «женщины вынуждены работать на равных с мужьями, в то же время рожать и воспитывать детей, формировать досуговую деятельность своей семьи»⁹. Крайне важны в этом направлении публикации Б.А. Грушина, Л.А. Гордона и Н.М. Римашевской о внерабочем времени тружеников обоих полов¹⁰.

В *1970-е гг.* количество исследований продолжало увеличиваться. В трудах этого времени авторы начали указывать на нарушения в вопросе женского равноправия, кроме того, сами исследователи уже стремились предложить пути решения проблем. В работах В.С. Беловой, Е.М. Зуйковой, Э.Е. Новиковой, З.А. Янковой¹¹, продолжались формулироваться важные исследовательские задачи, несмотря на все еще главенствующее утверждение о «решенности женского вопроса». Отметим, что все чаще исследователей волновали темы, связанные с утверждением равноправного положения в быту мужчин и женщин, о той большой работе, которую приходилось проделывать именно женщинам не только на работе, но и дома.

В исследованиях *первой половины 1980-х гг.* ученые начали интересоваться вопросом о том, какое участие принимают женщины в общественно-политической жизни страны. Говоря о роли профсоюзов, исследователи указывали на то, что «профсоюзным органам не хватало политической воли отстаивать права женщин»¹². Пристального внимания заслуживал лишь вопрос смягчения рабочих нагрузок при беременности с сохранением стабильной заработной платы¹³. *Во второй половине 1980-х гг.* и в последующее десятилетие, началось переосмысление событий, в частности переоценка «достижений» советского периода; вопросы женской истории также

⁸ Белова В.С. Подлинное равноправие (Консультация при разработке лекций о роли советской женщины в строительстве коммунизма). М.: Знание, 1965. С. 31–32.

⁹ Белоглазова Г.В., Савинова Л.Н. Советская женщина – активная участница коммунистического строительства. М.: [б.и.], 1977. С. 4–5.

¹⁰ Грушин Б.А. Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. 175 с.; Гордон Л.А., Римашевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М.: Мысль, 1972. 126 с.

¹¹ Белова В.С. Решение женского вопроса в СССР. М.: Знание, 1975. 56 с.; Зуйкова Е.М. Решение женского вопроса в СССР и его международное значение. М.: [б.и.], 1976. 41 с.; Новикова Э.Е. Женщина. Труд. Семья. М.: Профиздат, 1978. 112 с.; Янкова З.А. Советская женщина. М.: Политиздат, 1978. 159 с.

¹² Новикова Э.Е. Советские женщины и профсоюзы. М.: Профиздат, 1984. 256 с.

¹³ Крылова З.П. Советская женщина: труд, материнство, семья. М.: Профиздат, 1987. 172 с.

стали изучаться на ином уровне. В работах С.Г. Айвазовой, М.Г. Панкратовой, Н.Н. Козловой были проанализированы итоги «решения женского вопроса» в СССР уже с новых позиций; ученые пришли к выводу о том, что главные задачи и проблемы все-таки *не были решены*¹⁴. С 1990-х гг. круг исследуемых вопросов начал значительно расширяться. Особо стоит отметить интерес к истории сексуальности в трудах социологов и историков (С.И. Голод, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева), которые теперь смогли внести в изучение темы антропологии телесности гендерный аспект, проблему различий в ценностных установках людей разного пола¹⁵.

С 2000-х гг. количество научных работ по женской тематике в целом стало стремительно возрастать. В частности, исследователи обратились к вопросу государственной политики в отношении женщин-матерей¹⁶. Научные труды в области истории костюма также выступают недавним явлением в отечественной историографии, в том числе, в контексте советской повседневности. В первую очередь следует отметить работы О.Б. Вайнштейн, она одной из первых обратилась к идеологии моды в России¹⁷. Целую группу исследований по истории моды и костюма представляют труды И.В. Виниченко, которая отметила, что именно в «хрущевское десятилетие была сформулирована концепция социалистической моды и хорошего вкуса», в чем немалую роль сыграло проникновение в страну западных модных тенденций¹⁸. Не обошли вниманием ученые и материалы женской периодической печати, В.В. Боннер-Смеюха изучила источник, важный для воссоздания истории повседневности. Автор подчеркнула, что «ослабление идеологического

¹⁴ Айвазова С. Идеиные истоки женского движения в России // *Общественные науки и современность*. 1991. № 4. С. 125–133; Панкратова М.Г. Русская женщина сегодня // *Женщины России вчера, сегодня, завтра*. М.: Россия молодая, 1994. 221 с.; Козлова Н.Н. *Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора*. М.: ИФРАН, 1996. 215 с.

¹⁵ Kon I. *Sex and Russian society*. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, 1993. 168 p.; Пушкарева Н.Л. Женщина, семья, сексуальная этика в православии и католицизме. Перспективы сравнительного подхода // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 3. С. 55–70; Голод С.И. *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб.: Алетейя, 1996. 188 с.; Кон И.С. *Сексуальная культура в России. Клубничка на березке*. М.: О.Г.И., 1997. 464 с.

¹⁶ Пушкарева Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен // *Материнство и отцовство как социально-культурные феномены*. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2001. С. 93–106; Градскова Ю.В. Дискурс «социального материнства» и повседневные практики социальной работы в 1930–1950-е гг. // *Журнал исследований социальной политики*. 2005. Т. 3, № 2. С. 187–198; Чернова Ж. *Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ*. СПб.: Норма, 2008. С. 110–115.

¹⁷ Вайнштейн О.Б. «Полные смотрят вниз»: Идеология женской телесности в контексте российской моды // *Художественный журнал*. 1995. № 7. С. 49–53; *Она же*. «Мое любимое платье»: портниха как культурный герой в Советской России // *Теория моды*. 2007. № 3. С. 101–126.

¹⁸ Виниченко И.В. *Советская повседневность 50-х – середины 60-х гг. XX века: женский костюм в моделях одежды и бытовой практике* : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 24 с.; *Она же*. *Советская мода в контексте социально-экономической и культурной жизни СССР от «оттепели» до «застоя»: традиции и новые реалии*. Омск: ОмГТУ, 2017. 112 с.

давления во время “оттепели” повлекло за собой снижение степени воздействия политико-экономической пропаганды»¹⁹.

В связи с актуализацией исследований повседневности, стали появляться работы, посвященные методологическим аспектам изучения истории частной жизни²⁰. Авторы обозначили исходные точки формирования истории повседневности в трудах отечественных и зарубежных исследователей, обозначили основные понятия и источники. Важнейшую роль играют собственно историографические работы, в которых ученые предприняли попытки упорядочить имеющиеся исследования, в том числе зарубежные, определить периодизацию и этапы изучения проблемы, а также выявить как наиболее, так и наименее разработанные аспекты²¹.

В последнее десятилетие актуальность и значимость начали приобретать ежегодные научные мероприятия, посвященные гендерной истории и истории повседневности. Так, вопросам исключительно женской истории посвящены конференции Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), которые проходят ежегодно с 2008 г. под руководством президента организации Н.Л. Пушкаревой. Материалы конференций дают возможность исследователям не только следить за научными тенденциями, но и составлять представление о современных направлениях в изучении гендерной истории, о путях становления и развития данного направления. Работы «повседневноведов» обсуждаются вот уже десять лет на ежегодной конференции «История повседневности», проводимой В.А. Верременко вместе с Ленинградским государственным университетом им. А.С. Пушкина.

Таким образом, к началу второго десятилетия XXI в. исследование различных аспектов повседневной жизни заняло прочное место в российской историографии. Увеличение количества региональных трудов, посвященных повседневности, свидетельствует о возрастающем интересе к локальной истории²². Тема данного диссертационного исследования связана с женской

¹⁹ Боннер-Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: Историко-типологическое исследование : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2001. 26 с.; Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2012. С. 96.

²⁰ Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. 2007. Ежегодник. М.: Политическая энциклопедия, 2008. С. 9–21; Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 25–67.

²¹ Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность. История изучения "женской темы" русской и зарубежной наукой. 1800 – 2000 : Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 526 с.; Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Советские горожанки в годы хрущевской оттепели глазами англоязычных авторов // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 776–791.

²² Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007. 26 с.; Багманова Э.З. Социальное положение женщин во второй половине 1940-х – середине 1960-х гг. (на материалах Татарской АССР) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 27 с.; Антонова М.В. Советская социальная политика:

повседневностью горожанок Сталинграда/Волгограда, потому важное значение имеют работы, посвященные повседневности региона. Так, Н.В. Кузнецова исследовала различные аспекты социальных проблем послевоенного десятилетия, которые были присущи Нижневолжскому региону²³. Ф.А. Такташева изучила направления государственной политики в отношении женщин в послевоенное десятилетие на материалах области²⁴. А.А. Гуменюк продолжил исследование, рассмотрев повседневные практики населения Нижнего Поволжья, в том числе Сталинграда/Волгограда в 1950–1980-е гг.²⁵.

В зарубежной историографии изучение положения советских женщин в 1950–1960-е гг., а в особенности в «хрущевский» период началось во второй половине 1960-х гг. Уже тогда (в отличие от отечественных ученых) зарубежные исследователи заявили вовсе не о равенстве женских прав с мужскими, а указали на существование гендерных асимметрий²⁶. Активный этап в дальнейшем изучении начался в 1990-е гг., в своих работах ученые опровергали тезис о существовании в СССР равенства полов, обращая особое внимание на ограничения, связанные в том числе и с репродуктивными функциями женщин²⁷. Интерес вызвала у исследователей и тема женского труда; был сделан вывод о том, что женщины привлекались в основном к труду неквалифицированному и низкооплачиваемому, а потому возможности работниц в карьерном продвижении оставались весьма низкими²⁸. С началом XXI в. можно отметить прорыв в изучении различных сторон повседневной жизни советских женщин зарубежными исследователями²⁹. Особо стоит обозначить сборник трудов под редакцией ученых С. Рейд, Л. Эттвуд и М.

семейно-бытовой аспект. 1950–1960-е годы (на материалах Ленинграда) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 22 с.; Рафикова С.А. Повседневная жизнь сибирских горожан в 1960-е гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2013. 38 с.

²³ Кузнецова Н.В. Нижнее Поволжье в 1945–1953 гг.: Экономические и социальные проблемы послевоенного восстановления и развития : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2002. 51 с.

²⁴ Такташева Ф.А. Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 – начале 1950-х гг. : по материалам Сталинградской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 22 с.

²⁵ Гуменюк А.А. Социальная стратегия Советского государства и практики повседневности населения российской провинции во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг. : на материалах Нижнего Поволжья : автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2019. 44 с.

²⁶ Brown D. The Role and status of women in the Soviet Union New York: Teachers college press, 1968. 139 p.; Gasiorowska X., Żytomirska X. Women in Soviet Fiction, 1917–1964. University of Wisconsin Press, 1968. 170 p.

²⁷ Attwood L. The new Soviet man and woman: sex-role socialization in the USSR. Bloomington: Indiana University Press. 1990. 268 p.; Du Plessix Gray F. Soviet Women. New York: Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1990. 212 p.

²⁸ Filtzer D. Soviet Workers and De-Stalinization. The Consolidation of the Modern System of Soviet Production Relations 1953–1964. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 218 p.

²⁹ Kelly C. Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford UP, 2001. 240 p.; Reid S.E. Cold War in the Kitchen: Gender and the De-Stalinization of Consumer Taste in the Soviet Union under Khrushchev // Slavic Review. 2002. Vol. 61. P. 216–249.

Илич³⁰, в котором были раскрыты такие стороны повседневности столичных горожанок, как труд, семейный и домашний быт, а также сексуальные отношения и воспитание детей. В последнее десятилетие англоязычными исследователями дается еще более критическая оценка изучаемому периоду, чего явно не хватало в отечественной историографии вплоть до 1990-х гг. Стоит выделить исследования К. Варга-Харрис и А. Лахтиковой, которые изучили такие сферы повседневной жизни, приписанные исключительно женщинам, как обустройство домашнего быта, в частности, приготовление пищи³¹. Однако отметим, что период 1950–1960-х гг. в англоязычной историографии остается все же наименее изученным сегментом советской истории, в особенности на региональном уровне.

С каждым годом число публикаций по женской повседневности, истории семейного и домашнего быта возрастает, научные работы освещают все новые периоды и аспекты. Общий интерес к проблемам не *общего*, а *частного*, показывает, что поворот к описанию многообразия социальной истории повседневности не завершен, а история женских повседневно-бытовых практик в полной мере не изучена. Таким образом, можно говорить о том, что начиная с 1990-х гг. количество научных трудов по истории повседневности, в частности женской, стало стремительно возрастать. Отметим, что внимание к истории и российской провинции является чертой времени. Такой интерес позволяет более детально изучить повседневные практики, а также привлечь более широкий и не менее специфичный круг региональных источников, не введенных ранее в научный оборот.

Цель исследования – выявить специфику и проследить динамику перемен в повседневности и быту горожанок Сталинграда/Волгограда, учитывая общественно-политический контекст, социально-культурные и этнокультурные особенности региона.

Достижение цели возможно путем решения конкретных **задач**:

1. Проанализировать численно-возрастные показатели населения Сталинграда/Волгограда с учетом гендерных характеристик и этнокультурных особенностей региона;
2. Рассмотреть правовое положение жительниц нестоличного города, как важнейший паттерн, определяющий семейно-бытовые практики;
3. Определить степень влияния хозяйственно-бытовой загруженности на повседневную жизнь женщин;
4. Оценить активность женщин в общественной жизни, а также выявить возможности их личностной самореализации в контексте обыденных бытовых практик;

³⁰ Women in the Khrushchev era / eds: M. Ilič, S. Reid, L. Attwood. Basingstoke (Hampshire); New York: Palgrave Macmillan, 2004. 254 p.

³¹ Varga-Harris C. Stories of house and home: Soviet apartment life during the Khrushchev years. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 267 p.; Seasoned socialism: gender and food in late Soviet everyday life / Ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 357 p.

5. Показать особенности проведения досуга и свободного времени горожанками региона;

6. Изучить подробности межличностных, внутрисемейных и сексуальных отношений между полами, анализируя и сопоставляя данные средств массовой информации и женских эго-документов;

7. Определить степень государственной защиты материнства и детства, проанализировать реализацию данных практик в действительности;

8. Изучить характер женских телесно-гигиенических практик в контексте бытовой жизни городских семей;

9. Выяснить степень влияния государственной идеологии и жизненных реалий на возможность совмещения женщинами нескольких социальных ролей (матери, жены, работницы, общественницы).

Источниковую базу исследования составляют различные виды и типы источников: письменные, устные, визуальные, вещественные.

Письменные источники представлены нормативно-правовыми актами, делопроизводственной документацией, статистическими данными, материалами СМИ, а также источниками личного происхождения. К *нормативно-правовым актам* относятся законодательные документы государственного значения (законы, указы, постановления и решения высших партийных органов)³², отразившие курс социально-бытовой и культурной политики, в том числе в отношении женщин – как в рамках всей страны, так и региона. *Делопроизводственная документация* – это документы местных партийных органов, государственных учреждений и общественных организаций. Среди них приказы и распоряжения³³; протоколы партийных собраний³⁴; годовые отчеты и конъюнктурные обзоры³⁵; материалы проверок (акты, справки, объяснения)³⁶.

³² Законодательство о правах женщин в СССР. Сборник нормативных актов / сост. А.М. Белякова. М.: Юрид. лит., 1975. 222 с.; Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР. М.: Госюриздат, 1961. 200 с.; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986. 574 с.; Конституция (основной закон) СССР // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 – июль 1956 гг.). / сост.: М.И. Юмашев, Б.А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. С. 3–17 и др.

³³ Приказ № 32 по Сталинградскому городскому отделу здравоохранения от 16 февраля 1953 г. «Об обеспечении населения города акушерской стационарной помощью» // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-3969. Оп. 7. Д. 123; Выписка из распоряжения исполнительного комитета Сталинградского областного совета депутатов трудящихся. № 34-р от 18.02.1956 г. // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 7. Д. 44 и др.

³⁴ Протокол № 5. Закрытого партсобрании Швейной фабрики им. Крупской от 19.12.1957 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 340. Оп. 1. Д. 13; Протокол № 3. Центральной экспериментальной исследовательской швейной лаборатории от 25.08.1965 г. // ЦДНИВО. Ф. 12917. Оп. 1. Д. 1; Протокол № 3. Открытого партийного собрания Швейной фабрики им. 8-е марта от 22.12.1965 г. // ЦДНИВО. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 42 и др.

³⁵ Отчет технического инспектора ЦК профсоюза рабочих транспортного и тяжелого машиностроения при заводе п/я 144 за 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 1. Д. 302; Отчет о

Среди ненормативных источников важное значение имеют *статистические данные*, которые сообщают сведения о численном, возрастном и этническом составе населения, его занятости, хозяйственных и культурных показателях области и города³⁷.

Другую группу источников составляют тексты радиопередач и телепередач³⁸ (они характеризуют не только общую обстановку в регионе, но и затрагивают многие аспекты повседневной-бытовой жизни), а также материалы *печатных СМИ*, которые представлены как изданиями, ориентированными преимущественно на женскую аудиторию (журналы «Работница»³⁹ (более 200 номеров при сплошной или случайной выборке), «Крестьянка»⁴⁰ (более 200 номеров при сплошной или случайной выборке), «Советская женщина»⁴¹ (более 200 номеров при сплошной или случайной выборке), так и смешанную (журналы «Здоровье»⁴², «Служба быта»⁴³, «Крокодил»⁴⁴). Показать региональные особенности позволяют газеты «Сталинградская правда»⁴⁵ (с 1961 г. – «Волгоградская правда») и «Молодой ленинец»⁴⁶. Детальное изучение периодических изданий дает возможность раскрыть диктуемые властью общественные идеалы и нормы, а также выяснить их соответствие и применение к повседневным реалиям нестоличного города.

Важнейшую роль сыграли *источники личного происхождения* – как находящиеся в архивах, так и уже опубликованные. Среди архивных материалов (частично опубликованных за 1951–1953 гг.)⁴⁷, особо стоит отметить дневниковые записи хирурга, к.м.н. Зинаиды Сергеевны

выполнении плана по труду в торговле за 1958 г. // ГАВО. Ф. Р-6036. Оп. 3. Д. 36; Конъюнктурный обзор к цифровому отчету по родовспоможению в гор. Волгограде за 1962 г. // ГАВО. Ф. Р-3969. Оп. 12. Д. 11 и др.

³⁶ Акт документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности Сталинградского универмага за 1957 г. // ГАВО. Ф. Р-6036. Оп. 3. Д. 28; Справка о наличии и содержании санитарно-бытовых помещений на предприятиях Нижне-Волжского Совнархоза // ГАВО. Ф. Р-523. Оп. 2. Д. 37; Объяснение от гражд. Шишло Елены Антоновны. 4 февраля 1954 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 21. Д. 41 и др.

³⁷ Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.; Народное хозяйство Волгоградской области за 1966–1971 гг. Саратов: Союзучетиздат. Саратов. отд-ние, 1973. 289 с.; Труд в СССР (Статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1988. 97 с.

³⁸ Материалы радиопередачи «Молодые кандидаты». 27.02.1959 г. // ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 2. Д. 297; Программа телевизионных передач с 23 марта 1958 г. по 18 февраля 1959 г. // ГАВО. Ф. Р-6174. Оп. 3. Д. 1 и др.

³⁹ Работница. 1953 – 1969.

⁴⁰ Крестьянка. 1953 – 1966.

⁴¹ Советская женщина. 1953 – 1965.

⁴² Здоровье. 1955 – 1965.

⁴³ Служба быта. 1963 – 1968.

⁴⁴ Крокодил. 1953 – 1966.

⁴⁵ Сталинградская (Волгоградская) правда. 1951 – 1969.

⁴⁶ Молодой ленинец. 1951 – 1969.

⁴⁷ Дневники З.С. Седельниковой. Сталинградский период. 1951–1953 гг. / сост. И.В. Котова, И.С. Петрова, О.В. Туголукова. Волгоград: Сфера, 2020. 388 с.

Седелъниковой (1920–2006). Практически каждодневные дневниковые заметки содержат подробную информацию о межличностных, семейных и сексуальных, общественных и культурных, а также хозяйственно-бытовых особенностях повседневной жизни, как самой женщины, так и ее окружения (родственников, друзей и знакомых), проработанные автором диссертации за период с 1951 по 1969 гг.⁴⁸.

Материалы *устной истории* представляют собой отдельный вид источников. Данные, полученные путем интервьюирования, проанализированные с помощью метода выделения смысловых единиц (секвенирования) и выявления типики в эго-нарративах, помогают реконструировать те стороны повседневной жизни, о которых, возможно, не найдется подробной информации в других источниках личного происхождения. В личном архиве автора *30 биографических полуструктурированных интервью* с жительницами региона, собранных в результате полевой работы в городе Волгограде с апреля 2019 г. по январь 2021 г. Интервьюирование было основано на случайной выборке респонденток. Расшифровки собранного материала длительностью более 60 часов заняли в транскрибированном виде свыше 12 авторских листов. Беседы были проведены с женщинами различных возрастов (1932–1960 г.р.); разной этнической принадлежности (русские, немки, татарки); разных конфессий (православные, протестантки, мусульманки); разных профессий: сфера образования (учитель, воспитатель), сфера здравоохранения (медсестра), сфера обслуживания (швея ателье, сотрудник общепита, кассир), сфера производства (лаборант, аппаратчик) и др. Подавляющее большинство опрошенных женщин – представительницы условного среднего слоя русских горожанок. Среди информанток лишь одна треть относится к рожденным в довоенное время (1932–1940 г.р.)⁴⁹, что связано с естественным уходом поколения участников событий. Тем не менее, женщины смогли рассказать о семейных и сексуальных отношениях, профессиональной и общественной деятельности, а также о хозяйственно-бытовом укладе в своих семьях. Большинство опрошенных 1941–1960 г.р. – респондентки, которые рассказали не только о своем детстве и юности, но и о жизни своих мам, а потому отметим, что опыт более старших работавших женщин мог быть иным⁵⁰. Рабочий инструментарий (примерный вопросник) и некоторые расшифрованные интервью отображены в приложении к диссертации⁵¹.

⁴⁸ Седелъникова З.С. Дневники за 1951–1969 гг. // ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13–35.

⁴⁹ Полевые материалы автора, г. Волгоград, 2019–2021 гг. Информанты – М.Ф. 1932 г.р., М.П. 1933 г.р., Н.Ф. 1933 г.р., Р.А. 1935 г.р., Л.В. 1936 г.р., И.В. 1937 г.р., Н.В. 1938 г.р., З.Н. 1939 г.р., Л.И. 1939 г.р., Т.Г. 1940 г.р.

⁵⁰ Там же. Н.П. 1941 г.р., Н.А. 1942 г.р., Л.В. 1943 г.р., А.Д. 1943 г.р., Е.В. 1944 г.р., Г.П. 1945 г.р., Н.Е. 1945 г.р., Т.В. 1948 г.р., А.И. 1948 г.р., Л.Д. 1948 г.р., Т.М. 1950 г.р., Г.Ю. 1951 г.р., О.В. 1953 г.р., Т.А. 1954 г.р., Л.Г. 1954 г.р., Н.П. 1956 г.р., Л.В. 1956 г.р., Л.М. 1958 г.р., С.В. 1960 г.р., Е.В. 1960 г.р.

⁵¹ Приложение № 1. Примерный вопросник; Приложение № 2. Транскрипты интервью (русская, немка, татарка).

Визуальные источники представлены личными фотографиями информантов, иллюстрациями периодической печати (фотографии и карикатуры), а также художественными картинами. Информационный потенциал изобразительного искусства важен в случае перепроверок сообщенного и может иметь самостоятельную значимость как сохранивший типические черты быта. Региональные художники мало писали бытовые, жанровые сцены, однако визуальные источники позволяют почувствовать общее и особенное в столичной и провинциальной жизни тех лет. Иллюстративные материалы периодической печати являют собой богатый материал, представляющий, в том числе и образ женского быта как в семье (за домашними делами, в местах досуга и отдыха и др.), так и вне семьи (на производстве, за творческой и общественной деятельностью и др.). Однако реальная повседневная жизнь (без прикрас и показательности) была изображена именно на личных фотографиях, которые респондентки в ходе интервьюирования с интересом показывали, давали копировать⁵².

В процессе интервьюирования женщины делились не только воспоминаниями, но и показывали личные вещи. *Материальные предметы быта* не только 1950–1960-х гг., но и более раннего времени, по сей день находятся в домах жительниц города. Представляя собой живую историю, предметы, передающиеся от поколения к поколению, не только бережно хранятся женщинами, но и нередко выполняют прямое свое назначение в настоящее время. Интереснейшим источником материальных предметов быта выступают тематические музейные выставки, которые приобретают все большую актуальность и популярность. Одна из таких экспозиций была представлена в Волгоградском областном краеведческом музее летом 2020 г. под названием «Ностальгия по пятидесятым», которая позволяет наглядным образом увидеть быт изучаемой эпохи. Данные предметы, представленные фотографическим способом, являются дополнением к диссертации и размещены в приложении⁵³.

Методология и методы исследования. В исследовании применены системно-функциональный, междисциплинарный, историко-антропологический, гендерный подходы, а также приемы работы антропологов и историков повседневности.

Системно-функциональный подход позволил увидеть в женской повседневности нечто целостное, включающую в себя разные составляющие внесемейной повседневности, практик личной, домашней и общественной сфер жизни, прямо или косвенно взаимосвязанных между собой. *Междисциплинарный подход* сделал возможным привлечение методов других гуманитарных дисциплин, в частности данных социологии и психологии, в

⁵² Приложение № 4. Визуальные источники (фотографии); Приложение № 5. Визуальные источники (иллюстрации периодической печати); Приложение № 6. Визуальные источники (изобразительное искусство).

⁵³ Приложение № 3. Материальные предметы быта из личных архивов респондентов; Приложение № 7. Материальные предметы быта, представленные на музейных выставках.

которых особое внимание обращено к человеческим эмоциям и переживаниям. *Историко-антропологический подход* путем привлечения материалов эго-документов позволил узнать реалии повседневно-бытовой жизни женщин, а также соотнести их с заявленным конструктом идеологической направленности, обращая при этом особое внимание на роль отдельной личности. *Гендерный подход* в исследовании помог определить важность и специфику государственной политики в отношении женщин, понять, как заявленные властью меры повлияли на обыденную жизнь горожанок, выявить совместимость возложенных на женщин обязанностей и ролей с осуществлением их в действительности. *Подход истории повседневности* позволил выявить повторяющиеся структуры в различных сферах жизни, определить поведенческие практики, как вмененные домашним воспитанием, так и навязанные обществом.

В диссертации применен *сравнительно-исторический метод*, позволяющий на основе анализа различных источников исследовать динамику изменений в положении женщин. Метод *визуальной антропологии*, в частности *контент-анализ* помог понять визуальный ряд печатных СМИ – главного транслятора идеализированного и официально одобренного образа женщины. С помощью типичного для гендерной антропологии *метода эмпатии* стало возможным услышать голоса самих участниц описываемых событий, оценить их взгляд на то, что их окружало, изучить различные виды гендерно-ориентированных и общих социальных практик в структурах повседневности.

Научная новизна диссертационного исследования определяется постановкой темы, которая не была предметом специального исследования, но своей значимостью для понимания современных процессов востребована наукой. Впервые с опорой на разностороннюю источниковую базу (нормативно-правовые акты, делопроизводственная документация, статистические данные, периодическая печать, эго-документы, материалы устной истории, визуальные и вещественные источники), поставлена задача провести комплексный анализ повседневного быта нестоличных горожанок, выявить его гендерные особенности и динамику изменений.

Научно-практическая значимость исследования определяется самим анализом женской повседневности в условиях проживания в возрождающемся после разрушительной войны городе. Изучение женских бытовых практик в уникальное время, позволяет глубже понять механизмы адаптации к бытовым условиям и обстоятельствам, приспособления бытовых практик к социально-политическим трансформациям, выявить адаптационные возможности именно женщин. Такого рода информация важна для этнологов, антропологов, историков, социологов, будет иметь значение при подготовке специальных курсов по региональной истории. Результаты исследования могут быть использованы специалистами социально-гуманитарных дисциплин для дальнейших исследований по женской и гендерной истории региона.

Положения исследования, выносимые на защиту:

1. Нормативно-правовое регулирование затрагивало все сферы повседневно-бытовой жизни женщин – семейной и внесемейной. Принципы государственного контроля соотносились с общими идеологическими постулатами того времени – согласно им женщина должна была выступать «активным и полноправным участником семейно-общественных отношений» (быть женой, матерью, работницей, общественницей).

2. Коммунально-бытовая обстановка в нестоличном и полностью разрушенном после войны регионе, диктовала необходимость приспособления к сложностям быта, а также выработки собственных стратегий «выживания», главными трансляторами которых выступали женщины.

3. Приготовление пищи оказалось самым время- и трудо-затратным домашним занятием, которое в слабо обеспеченном продовольственными товарами регионе не только предписывалось общественностью, но и в реальной жизни выступало женской обязанностью.

4. Сфера досуга и отдыха жительниц города напрямую зависела от содержания и объема хозяйственно-бытовой домашней работы, которую хозяйки были вынуждены выполнять в ущерб не только физическому и духовному здоровью, но и личностной самореализации.

5. Пронаталистский характер государственной политики определял материнские практики горожанок. Несмотря на ряд предпринятых на общесоюзном уровне мер поддержки материнства и детства (защита трудовых прав матерей, строительство детских дошкольных учреждений), службы здравоохранения нестоличного региона не смогли в полной мере справиться с возложенными на них обязанностями. Потому материнские заботы оставались для женщин одними из самых насущных, будучи полностью зависимыми от уровня развития здравоохранения (состояния родовспомогательных и детских учреждений), охраны труда (обеспечения прав беременных и матерей) и коммунально-бытового обустройства региона (наличия собственного жилья и коммунальных удобств).

6. Низкий уровень коммунально-бытового обустройства, а также сферы обслуживания в регионе, превращали каждодневные женские гигиенические практики ухода за телом в значительную проблему. Здоровье горожанок подвергалось испытаниям в связи с невозможностью соблюдать не только предписанные в медицинских рекомендациях, но и элементарные гигиенические правила по уходу за телом.

7. Внешние атрибуты женственности, которые во многом зависели от возможности не только практично, но и модно одеваться, были сопряжены для горожанок со множеством трудностей. Слабое развитие местной легкой промышленности, а также удаленность столичных регионов, в большей степени обеспеченных нужными товарами, заставляли женщин искать разнообразные средства и методы формирования гардероба.

8. Именно женщины были главными хранительницами этнокультурных традиций региона, которые проявлялись как в нормах воспитания и

отношениях в семье, так и в кулинарных практиках и проведении досуга.

9. Крайне редко, в единичных случаях, горожанки могли приблизиться к официально-одобренному и транслируемому через средства массовой информации образу современницы, успешно совмещающей несколько социальных ролей (жена, мать, работница, общественница). При том, со стороны государства в лице СМИ наблюдалась политика давления и порицания тех, кто не стремился этому образцу соответствовать.

Апробация исследования. Основные результаты и выводы диссертации апробированы в 18 статьях. Из них 8 в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ, в том числе индексируемых в международных реферативных базах Scopus и Web of Science.

Апробированность результатов исследования доказывается участием автора в 9 научных конференциях и мероприятиях, посвященных обсуждению различных проблем гендерной и женской истории, истории повседневности, среди которых стоит отметить: Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (Москва, 2018, 2019, 2020), Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) (Калининград, 2019; Казань, 2020; Кишинев, 2021), X юбилейная международная научная конференция в рамках международного научного форума «История повседневности» «“Вызов” в повседневной жизни населения России: история и современность» (Санкт-Петербург, 2021) и др.

Структура диссертационного исследования обусловлена его целью и задачами, включает в себя введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение, список источников и литературы, а также приложения. Общий объем работы, включая приложения – 440 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, раскрыта степень разработанности проблемы, определены объект и предмет, цель и задачи исследования, хронологические и географические рамки, представлена методология и методы исследования, проанализирована источниковая база, определены научная новизна и научно-практическая значимость работы, а также приведены сведения об апробации и структуре исследования.

Первая глава **«Нормативное регулирование бытовых практик горожанок в 1950–1960-е гг.»** раскрывает стороны бытовых практик горожанок, регламентируемых на законодательно-правовом уровне. Обозначены такие аспекты, как численный, возрастной и этнический состав региона. Рассмотрены общегосударственные законодательные акты в области охраны женского труда, здоровья и репродуктивной политики, а также выяснено их действие и применение в жизненных реалиях нестоличного города.

Первый параграф *«Численность, возрастной состав населения и особенности сохранения культурно-бытовых традиций Сталинградской/Волгоградской области»* позволяет получить представление об основных статистико-демографических параметрах области и города, дает характеристику численного и этнического состава населения. В результате было выяснено, что послевоенный Сталинград/Волгоград представлял собой активно развивающийся промышленный регион, который помимо русского этноса (преобладающее большинство), населяли немцы и татары, не одно столетие проживавшие непосредственно на территории и вблизи города. Они сумели упрочить свою этнокультуру во многом благодаря именно женщинам, которые передавали и сохраняли кулинарные традиции, отличавшиеся в повседневно-бытовых практиках отдельных народов. Помимо пищи, культурная идентичность народов поддерживалась соблюдением свадебных обрядов, отмечанием религиозных праздников, а также использованием (чаще всего в пределах дома) родного языка.

Второй параграф *«Государственная охрана женского труда и его влияние на повседневную жизнь горожанок»* дает представление о том, как именно регулировались производственно-трудовые отношения в регионе. Было выяснено, что действительно серьезные меры начали предприниматься административным руководством лишь в 1960-е гг., когда стало очевидным, что строительство и восстановление города проходило все еще за счет женской части населения. Рабочая повседневность горожанок была тесным образом связана с их внерабочей деятельностью, потому как состояние охраны труда в немалой степени влияло и на бытовые (домашние) практики, осуществляемые именно женщинами. Высокая потребность в восстановлении хозяйства города влекла за собой многочисленные нарушения трудового законодательства в отношении работниц, которые жертвуя собственным здоровьем, были вынуждены в силу разных причин (стремление к более высокому заработку, нехватка рабочей силы в отраслях) трудиться на тяжелых и вредных работах. В неудовлетворительном состоянии находилась, собственно, сама система охраны женского труда и здоровья на предприятиях города. Недостаток мужской рабочей силы для выполнения, в том числе и тяжелых работ, вынуждал женщин быть задействованными практически во всех отраслях народного хозяйства.

Третий параграф *«Охрана женского здоровья и репродуктивная политика как факторы, определявшие семейные практики жительниц города»* посвящен важнейшим аспектам повседневной жизни, регулируемым главным образом на правительственном уровне. Пронаталистский характер государственной политики заставлял руководство страны искать пути не только повышения рождаемости, но и сохранения производственного потенциала главных восстановителей хозяйства – женщин. Налаживание системы охраны не только женского труда, но и здоровья в практически полностью разрушенном после войны регионе, сталкивалось со множественными трудностями, сопряженными как с бытовыми недостатками, так и с низким

уровнем медицинского обслуживания. Указ «Об отмене запрещения аборт» от 23 ноября 1955 г. явился не только важнейшим шагом на пути регулирования рождаемости, но и фактором свободного выбора для женщин. Однако органы здравоохранения региона не смогли удовлетворить повышенные запросы горожанок на уже разрешенную процедуру, что породило катастрофическую ситуацию на протяжении всего изучаемого периода. Именно потому аборт внебольничного характера продолжал оставаться не только привычным и распространенным, но также опасным и болезненным для женщин способом регулирования рождаемости.

Во второй главе **«Домашний труд и свободное время в повседневных практиках жительниц Сталинграда/Волгограда в 1950–1960-е гг.»** проанализировано соотношение домашнего труда и отдыха в женском бюджете времени. Раскрыты стороны хозяйственно-бытовых, общественных, а также досуговых (частных и публичных) практик горожанок.

В первом параграфе *«Хозяйственно-бытовые дела горожанок (обустройство дома, обеспечение продуктами и приготовление пищи)»* рассматриваются различные стороны домашней (хозяйственно-бытовой) повседневности, которая выступала продолжением рабочего дня и отнимала значительную часть женского свободного времени. Нехватка жилого фонда в практически полностью разрушенном после войны городе, явилась одной из главных бытовых проблем, потому как заботы по обустройству дома во многом были обязанностью женщин, а не мужчин. Отсутствие, казалось бы, элементарных бытовых удобств (холодное и горячее водоснабжение, газоснабжение, отопление) во многих домах города, превращали не только собственно проживание, но и домашнюю работу для женщин в основную и самую трудо- и время-затратную внерабочую деятельность. Наиболее трудоемким процессом в числе прочих домашних дел, выступала сфера, связанная с приобретением продуктов питания и приготовлением пищи. Условия практически постоянных нехваток, лишений и переживаний по поводу создания не только пригодной для жизни, но и уютной, комфортной домашней обстановки, становились для женщин одной из насущных бытовых проблем. Нанять домашнюю работницу, которая бы облегчила хозяйский труд, не представлялось возможным для большинства горожанок, потому основными помощниками в домашней работе выступали дети, преимущественно девочки, в редких случаях эта роль доставалась мужской части населения. Тем не менее, именно в 1950–1960-е гг. государство начинает предпринимать первые шаги на пути облегчения женского домашнего труда. Однако внедрение бытовых служб, а также доступность бытовой техники в регионе на протяжении всего периода оставались на низком уровне, в связи с чем горожанки не почувствовали существенных изменений в хозяйственно-бытовом укладе. Многие хозяйки, сетуя на изматывающий бытовой труд, продолжали выполнять вмененные им не только домашним воспитанием, но и обществом обязанности.

Второй параграф *«Внедомашняя и внесемейная деятельность в структуре свободного времени горожанки: общественная работа»* посвящен уровню вовлечения жительниц города в общественную деятельность. Для женщин региона эта сфера была куда менее важна, в отличие от домашней и производственной работы. При этом, стоит отметить, что общественная деятельность выступала для горожанок одним из немногих способов реализовать себя вне дома, однако именно выполнение хозяйственно-бытовых обязанностей выступало преградой на пути такой женской самореализации. Для руководства региона вовлечение работниц и в общественную работу, являлось инструментом для разрешения назревших общественно-бытовых проблем. На женщин традиционно были возложены задачи во многом им знакомые – наведение порядка в детских учреждениях, больницах и консультациях. Однако женские комитеты, созданные на предприятиях города, оказались не в силах разрешать столь серьезные задачи, которые так и оставались заботой региональных властей. В большинстве своем, похвастаться ролью активистки и общественницы могли незамужние и бездетные девушки или женщины старшего возраста, уже в меньшей степени обремененные воспитанием детей и хозяйственно-бытовыми делами. Для всех остальных горожанок общественная работа являлась, скорее, ненужным бременем, нежели способом дополнительной самореализации.

Третий параграф *«Практики досуга и отдыха в повседневности жительниц нестоличного города»* посвящен досуговым занятиям и собственно отдыху, на которые у женщин в отличие от мужчин, оставалось сравнительно меньше времени в силу высокой домашней загруженности. Выполнение женщинами не только необходимой производственной, но и обязательной для них хозяйственно-бытовой работы, являлось основной преградой на пути удовлетворения потребностей в духовном развитии (посещение культурно-досуговых учреждений) и физическом отдыхе (сон). В этой связи досуг горожанок можно разделить на частный (домашний) и публичный (вне дома), который приобрел свои специфические черты и особенности. Обремененность хозяйственно-бытовыми делами выступала одним из факторов привязанности женщин к домашним формам досуга (радио- и телевидение, вышивание и шитье, чтение и др.). Потому досуг вне стен дома (посещение кино, театров, кафе и др.) выступал для самих женщин чуть ли не единственной возможностью для отдыха. Однако в условиях фактического дефицита свободного времени – домашние дела (приготовление пищи, уборка жилища) зачастую превращались для горожанок в вынужденную, но необходимую форму свободного (внерабочего) времяпрепровождения, нередко переходящую в разновидность досуга.

В третьей главе **«Семья, материнство и уход за телом в повседневных практиках жительниц Сталинграда/Волгограда в 1950–1960-е гг.»** изучены межличностные и сексуальные отношения между полами, а также материально-бытовые и социально-психологические аспекты материнства; раскрыты

особенности гигиенических практик по уходу за телом и внешние атрибуты женственности (одежда и обувь, прическа и макияж).

Первый параграф *«Внутрисемейные отношения и личные эмоциональные привязанности женщин»* отражает стратегии самореализации женщин в семейных отношениях, а также осознание своего места в структуре семьи. В период 1950–1960-х гг. были частично разрушены тоталитарные модели семейно-брачных отношений и сексуального поведения, чему способствовала направленность и государственной политики. Именно в это время в различных СМИ впервые начали появляться обсуждения о взаимоотношениях между полами. Такая информация, весьма осторожная по характеру, использовалась с нравоучительными целями, указывая на то, что семейные отношения не считались «личным делом». Если вопросы сексуальности все еще оставались вне поля зрения общественности, то межличностные отношения между супругами нередко становились предметом открытого обсуждения. Между собой женщины делились переживаниями о семейных ссорах, нередко сопровождаемых физическим насилием. Видели горожанки определенные рычаги воздействия на неугодных супругов и в лице государства, о чем свидетельствуют письма и жалобы самих женщин в редакции газет и местные органы власти. Однако боязнь публичности бракоразводного процесса заставляла многих горожанок продолжать терпеть неподобающее поведение и отношение со стороны мужей. Несмотря на кажущуюся вольность, в частности, в сексуальном поведении молодого (послевоенного) поколения обоих полов, преобладающим оставался уклад, согласно которому подробности сексуальной и семейной жизни скрывались от общественности.

Второй параграф *«Материнские практики (воспитание детей и распределение семейных обязанностей)»* отражает стратегии и способы приспособления работниц-матерей к непростым бытовым и социальным условиям. Также, как и репродуктивное поведение, материнские практики были взяты под контроль государства. Увеличение отпуска по беременности и родам, строительство детских дошкольных учреждений – важнейшие меры, предпринятые руководством страны для институализации сферы и осуществления пронаталистской политики. Вопрос о материнстве женщины решали в большинстве случаев с помощью аборта, который оставался самым распространенным способом регулирования рождаемости. Собственно материнские и семейно-педагогические практики были сопряжены для горожанок со множественными трудностями. Необходимость скорого выхода на работу, а также необустроенность и переуплотненность детских дошкольных учреждений региона, вынуждали матерей перекладывать заботу о детях на женщин более старшего поколения, нередко соседок или знакомых. Сложной оставалась ситуация с детской мебелью, одеждой и питанием – все эти хлопоты ложились полностью или в большинстве своем именно на женщин, которые за выполнением важной для общества роли матери изображались и на страницах периодических изданий.

Третий параграф *«Забота о женском здоровье и уход за телом в памяти горожанок Сталинграда/Волгограда»* раскрывает аспекты телесной чистоты и красоты, которые имели более высокую значимость для женской, нежели для мужской части населения. Несмотря на предпринимаемые руководством региона меры по улучшению состояния коммунально-бытового хозяйства – общественные бани, водо- и газоснабжение в домах горожан находились все еще в неудовлетворительном состоянии. Бытовые лишения прямым образом влияли на соблюдение и осуществление даже самых элементарных гигиенических процедур, которые практически всегда были сопряжены для женщин с трудностями не только физического, но и эмоционального характера. Наличие собственной квартиры с ванной комнатой, оснащенной холодной и горячей водой, являлось не только редкостью, но и предметом зависти, гарантом телесной чистоты и комфорта для горожанок. Если заметки о телесной чистоте (гигиене) являлись привычными для периодических изданий и помещались в виде советов и наставлений, то вопросы женской красоты заслуживали меньшего внимания и заняли свое прочное место лишь к началу 1960-х гг. Уход за собственным телом в условиях нередкого отсутствия необходимых бытовых удобств, превращался для горожанок в настоящую проблему, решение которой во многом зависело от мер, предпринимаемых на государственном уровне.

Четвертый параграф *«Внешние атрибуты женственности (одежда и мода) в повседневной жизни горожанок»* посвящен вопросам типично женской аксиосферы – всему тому, что связано с внешним обликом, красотой и модой. Одежда, обувь и ткани относились к тем товарам первоочередной необходимости, которыми нестоличный регион располагал в недостаточном количестве. Несмотря на поступательное увеличение производства изделий швейной промышленности, горожанки практически всегда испытывали нужду в качественных и недорогих вещах. Потому женщины выработали разнообразные каналы пополнения гардероба, как легальные, так и нелегальные – самостоятельный пошив одежды, индивидуальный пошив в ателье или у частных портных, перекупка товаров у отдельных лиц, а также приобретение изделий в государственных магазинах (в том числе за пределами региона). Несмотря на отдаленность от столичных регионов, горожанки старались следить за модными тенденциями, транслируемыми женскими журналами, которые являлись главным инструментом в создании гардероба.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

Повседневная жизнь Сталинграда/Волгограда – крупного индустриального региона Нижнего Поволжья, обрела в 1950–1960-е гг. особые черты, связанные с необходимостью скорейшего промышленного и культурного возрождения города путем привлечения населения с разных областей страны. Многонациональность территории определила этнокультурное взаимодействие его жителей, и главную роль в передаче и сохранении национальных традиций сыграли именно женщины. Потому

соблюдение культурных обычаев этническими меньшинствами стало чертой повседневных взаимодействий, начало которым было положено в 1950-е гг.

Повседневность горожанок во многом зависела от восстановления жилищно-коммунального и бытового хозяйства в практически полностью разрушенном после Великой Отечественной войны регионе. От состояния бытовой домашней обстановки зависели буквально все жизненные сферы – здоровье и производственный труд, досуг и отдых, сексуальная жизнь и материнство. Но именно охрана женского труда и здоровья оказались теми показателями, которые определили качество жизни главных восстановительниц города. В послевоенное десятилетие власти только начинали предпринимать первые шаги на пути улучшения охраны женских трудовых прав. Основу кадровых резервов в возрождающемся городе составили женщины, которые были заняты во всех сферах хозяйства, в том числе на вредных для здоровья и тяжелых работах. Их внерабочая жизнь поначалу мало кого волновала, но именно со второй половины 1950-х – начала 1960-х гг. региональными властями начали предприниматься серьезные меры для повышения уровня охраны женского труда и здоровья. Массовые проверки, организованные местными профсоюзными активами, буквально вынуждали руководителей предприятий переводить женщин на более легкий труд, выяснять домашние и бытовые условия работниц, соблюдать права беременных и матерей. Тем не менее, внедрение новых правил и ограничений в отношении женского труда продолжало сопровождаться несоблюдением прав работающих, что во многом диктовалось необходимостью скорейшего промышленного и культурного возрождения региона, малой значимостью отдельных работниц для только начавшей формироваться в те годы социальной политики страны.

Демографические устремления пронаталистского характера, нормативные акты, принятые тогда государством, регулировали и во многом определяли частные репродуктивные практики. Указ «Об отмене запрещения аборт» от 23 ноября 1955 г. явился не только важнейшим шагом на пути регулирования рождаемости, но и фактором, сохранившим тысячи женских жизней и определившим другие практики повседневной части жизни семей и отдельных женщин. Исследование показало, однако, что региональные органы здравоохранения не могли удовлетворить тогда многочисленные запросы женщин на столь востребованную для них процедуру, а производство контрацептивов налажено не было. Поэтому аборт внебольничного характера, как и прежде, оставался для женщин самым распространенным и болезненным способом регулирования числа детей в семье. Несмотря на то, что общее состояние региональной системы здравоохранения на протяжении 1950–1960-х гг. оставалось на невысоком уровне, меры по улучшению медицинского обслуживания женского и детского населения заняли в ней свое прочное место. При этом отсутствие должного контроля по-прежнему приводило к складыванию катастрофических ситуаций в важнейших именно для женщин отраслях здравоохранения (низкий уровень обслуживания детского населения, нехватка больничных коек в гинекологических отделениях).

Хозяйственно-бытовая сфера предстала на основании проведенного анализа той стороной повседневности, вокруг которой было сосредоточено все внимание горожанок. Предпринятые на общесоюзном уровне меры по облегчению женского домашнего труда (организация бытовых служб, выпуск кухонной утвари и техники) не получили широкого внедрения в Сталинграде/Волгограде и тем более в Нижневолжском регионе в целом. Новшества, известные столичным жительницам (полотеры, пылесосы, холодильники) были практически недоступны жительницам и не оказали существенного влияния на их домашний быт. Опрошенные женщины лишь с 1960-х гг. начали отмечать для себя сколько-нибудь заметное улучшение бытовых условий, связанное, в том числе, с наличием собственного жилья. Однако хозяйственно-бытовой труд, в котором главную роль играла организация домашнего питания, продолжал отнимать у горожанок подавляющую часть их свободного времени. Жительницы города, неся двойную нагрузку (на работе и дома), ежедневно выполняли свои обязательства, нанося тем самым ущерб не только здоровью, отдыху и досугу, но и профессиональным перспективам. Материалы эго-документов позволили выяснить, как именно женщины, успешно совмещив социальные роли работницы, жены, матери и хозяйки дома, начинали претендовать на главенствующую роль в семьях, что неизбежно вело к усилению конфликтности и в конечном счете к трансформациям гендерных ролей.

Несмотря на социальные сдвиги, гораздо в меньшей степени, чем хозяйственно-бытовые дела, горожанок (если они не принадлежали к интеллектуальной элите) заботила их реализация в общественной сфере. В силу высокой домашней загруженности для большинства женщин общественная деятельность, связанная, как правило, с производственной и партийной работой, представлялась излишней, да и практически неосуществимой. Небольшие активы работниц на отдельных предприятиях, созданные еще в конце 1940-х гг., имели недостаточно возможностей и сил разрешать серьезные вопросы социального обеспечения, которые пытались переложить на них государство. Лишь во второй половине 1960-х гг. с постепенным улучшением жилищно-бытовых условий, некоторые жительницы города, как правило, незамужние или имеющие уже взрослых детей, могли себе позволить заняться не только производственной, но и общественной работой.

Занятость жительниц города в типичных для них производственной и хозяйственно-бытовой (домашней) сферах, диктовала естественную потребность в отдыхе. Однако не только домашняя занятость, но и недостатки в развитии культурно-досуговой индустрии региона предопределили тяготение именно к домашним формам досуга, в устройении которых ключевую роль приходилось играть самим женщинам. Разделение досуга горожанок на частный (домашний) и общественный (вне дома) – становилось особенностью женских повседневных практик нестоличного региона очень постепенно, на протяжении 1950–1960-х гг. Посещение массовых культурно-досуговых мероприятий выступало для женщин одним из немногих способов отдыха, восстановления духовных и физических сил вне дома. Характерной чертой

повседневности горожанок оставалось тесное взаимодействие хозяйственно-бытовой и культурно-досуговой жизненных сфер, которые, однако, диктовали конкретные обязательства и условия.

Власти вмешивались и пытались контролировать, казалось бы, сугубо личную, семейную, в том числе сексуальную жизнь горожанок. Счастье материнства, столь часто изображаемое на художественных полотнах мастеров изобразительного искусства, переживалось женщинами в сложнейших материально-бытовых условиях, в контексте высокой производственной занятости, предопределенной жизненными реалиями нестоличного региона. Обязанности по воспитанию детей традиционно оставались исключительно женской заботой, в том числе женщин старших поколений, которые выступали гарантом совмещения их дочерьми социальных ролей матери и работницы.

Традиционное стремление власти исподволь регулировать бытовую жизнь семей, нашло отражение на страницах периодической печати, где с начала 1960-х гг. стали появляться советы по гигиене женского тела, затрагивались эстетические вопросы, в том числе внешнего вида и женской красоты. Между тем соблюдение гигиенических практик ухода за телом осложнялось из-за отсутствия бытовых удобств и личного пространства в условиях пребывания в перенаселенных коммунальных квартирах, в которых в основном и проживало население города. При этом реальные бытовые условия, равно как сфера услуг нестоличного города не могли удовлетворить потребностей большинства жительниц, в силу чего немногие из них имели возможность в полной мере соблюдать не только диктуемые, но и элементарные гигиенические нормы. В этой связи важное место в жизни горожанок занимали внешние атрибуты женственности (одежда и обувь, прическа и макияж). Ставшие привычными нехватки товаров повседневного спроса, заставляли жительниц вырабатывать разносторонние способы формирования гардероба. Одежда зачастую низкого качества, неудобная и немодная, продаваемая в государственных магазинах Сталинграда/Волгограда, устраивала не всех горожанок, а потому широкое распространение сохраняли традиционные женские умения, в том числе самостоятельного пошива одежды (которые не только передавались семейными традициями, но и чему учили молодое поколение девочек на уроках труда), равно как обращение к нелегальным и полуплегалльным способам приобретения необходимых и желанных товаров. Сочинение «кулинарных хитростей» при нехватке продуктов и самостоятельное производство одежды (шитье, вязание) оставались главным содержанием реального досуга обычных жительниц города.

Таким образом, государственная идеология требовала от женщин исполнения нескольких социальных ролей (работница, жена, мать, общественница), однако лишь немногим из жительниц города удавалось совмещать разносторонние функции. Бытовые реалии в условиях высокой домашней и производственной загруженности, множественные лишения (лишь ненамного меньшие, чем в дни войны) воспринимались женщинами как

привычный образ жизни. Сопоставление нормативных и ненормативных источников заставляет сделать вывод о существовании «двух действительностей». *Первая* – представленная в средствах массовой информации, имеющая позитивную окраску и спонсируемая государством; это было то желаемое, которое (в угоду идеологии) выдавалось за действительное. И *вторая* – явленная в воспоминаниях и дневниках, запечатленная в памяти горожанок – полная волнений и переживаний, трудностей и лишений. Очевидно, что индивидуальные жизненные стратегии женщин определяли их собственные амбиции, но проживание в возрождающемся после разрушительной войны нестоличном регионе требовало особых адаптивных умений, готовности и навыков приспособления буквально во всех сферах повседневной жизни. Потому горожанки были вынуждены постоянно отодвигать собственные потребности и желания на второй план, довольствуясь теми условиями и возможностями реализации, которые диктовала советская социально-политическая система 1950–1960-х гг.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. *Богдашина И.В.* Повседневный гардероб советских нестоличных горожанок в 1950–1960-е гг. (на примере Волгограда) // Вестник антропологии. 2020. № 1 (49). С. 98–114.
2. *Богдашина И.В.* Повседневные практики матерей провинциального советского города в 1950–1960-е гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 42–51.
3. *Богдашина И.В.* Женская социальная память о привычном и обыденном в дневниках (1951–1969 гг.) жительницы Сталинграда (Волгограда) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 46–54.
4. *Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В.* «Вкусная и здоровая пища» в повседневных практиках нестоличного советского города 1950–1960-х гг. // Вестник антропологии. 2021. № 1 (53). С. 260–274.
5. *Богдашина И.В.* Образ советской женщины в материалах прессы 1950–1960-х гг. и в женской социальной памяти (региональный аспект) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2021. № 3 (72). С. 59–68.
6. *Богдашина И.В.* Интимные переживания в женских эго-документах 1950–1960-х годов: новое и традиционное в моделях сексуального поведения провинциальных советских горожанок // Вестник антропологии. 2021. № 4. С. 174–190.

Статьи в журналах, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science:

7. *Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93–104.
8. *Богдашина И.В.* Досуг и отдых в социокультурной памяти горожанок нестоличного региона в 1950–1960-е гг. на материалах г. Волгограда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2021. Т. 20, № 2. С. 295–304.

Статьи в журналах, индексируемых в РИНЦ:

9. *Богдашина И.В.* Возможности биографического метода в изучении антропологии повседневности (краткое обобщение современной историографии) // Социокультурное многообразие в современном мире. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 11–13 декабря 2018 г. / отв. ред. О.Л. Милова, сост. и предисл. Е.Б. Барина. М.: ИЭА РАН, 2019. С. 164–172.
10. *Богдашина И.В.* Возвращение немцев Поволжья в Сарепту после депортации: особенности женской повседневности в 1960-х годах // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: материалы XII международной научной конференции: в 2 ч.: Ч. 1. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, И.О. Дементьев, М.Г. Шендерюк. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 420–422.
11. *Богдашина И.В.* Хрущевские реформы в области жилищного строительства и женская память о жизни во внестоличных квартирах 1950–1960-х гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко, В.Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. В 3 т.: Т. 1. С. 214–219.
12. *Богдашина И.В.* Женская домашняя работа в социальной памяти горожанок 1950–1960-х годов // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание. Материалы XIII Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. В 2 ч.: Ч. 1. / под ред. Н.Л. Пушкаревой. М.: ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2020. С. 114–117.
13. *Богдашина И.В.* Мода и телесность в советских женских журналах 1955–1965 гг. // Альманах конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск I. / отв. ред. А.А. Плеханов, Н.А. Лапкина. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 154–163.
14. *Богдашина И.В.* Материнство и детство в сложных материально-бытовых условиях нестоличного региона 1950–1960-х годов (на примере Волгограда) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 1 (5). С. 34–45.
15. *Богдашина И.В.* «Доставание» продуктов питания и приготовление пищи как женская забота в нестоличном советском городе в 1950–1960-е гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность:

материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. В 2 т.: Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 252–258.

16. *Богдашина И.В.* Интервьюирование как способ изучения женской нестоличной повседневности 1950–1960-х гг. // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Томск: изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 755.

17. *Богдашина И.В.* Женские автодокументы как источник по истории изучения нестоличной повседневности 1950–1960-х гг. (источниковедческий обзор) // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы. Материалы XIV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Кишинев, 30 сент. – 3 окт. 2021 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко. В 2 ч.: Ч. 1. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 52–56.

18. *Богдашина И.В.* Вне рабочее время и отдых советских горожанок в женской социокультурной памяти 1950–1960-х годов (региональный аспект) // Альманах Конференции молодых ученых Института этнологии и антропологии РАН: выпуск II. / отв. ред. С.А. Орешин, П.А. Серин. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 263–278.